



Виталий Моисеенко

**ПАСПОРТ ВСЕЛЕННОЙ:
«ОСКОЛКИ ЭОНА:
СИНДРОМ СТЕКЛА»**

«Автор»

2026

Моисеенко В.

**ПАСПОРТ ВСЕЛЕННОЙ: «ОСКОЛКИ ЭОНА: СИНДРОМ
СТЕКЛА» / В. Моисеенко — «Автор», 2026**

«ОСКОЛКИ ЭОНА: СИНДРОМ СТЕКЛА» Тысячу лет назад Небо расколосось. Теперь мир — это парящие острова над фиолетовой бездной, где туман стирает память и материю. Вэнс — чистильщик, ныряльщик в Море Забвения. Он добывает артефакты для Инквизиции Якоря, скрывая свой главный секрет: его тело медленно превращается в стекло. Витрификация — цена магии. И когда процесс завершится, он разобьётся на тысячу осколков. Но всё меняется, когда он находит это — пульсирующее сердце из латуни и жидкого света, бьющееся в ритме его собственного сердца. Инквизиция хочет уничтожить находку. Стая Ржавого Ветра хочет её продать. А Безмолвные — стеклянные статуи древних — хотят её вернуть. Вэнсу придётся бежать. Вниз. В Море Забвения, откуда никто не возвращался. Там, на дне реальности, он встретит Элию — девушку с Абсолютной Памятью, которая помнит всё, что мир забыл. И узнает правду: катастрофа не была концом света. Это была казнь. И кто-то всё ещё держит палача.

© Моисеенко В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Гравитация Пепла	5
ГЛАВА 2. Библиотека Утонувших	7
ГЛАВА 3. Сердце из латуни и пепла	10
ГЛАВА 4. Голоса в стекле	14
ГЛАВА 5. Перевернутый собор	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виталий Моисеенко

ПАСПОРТ ВСЕЛЕННОЙ: «ОСКОЛКИ ЭОНА: СИНДРОМ СТЕКЛА»

ГЛАВА 1. Гравитация Пепла

Стекло не болит. Оно только звенит, когда трескается.

Вэнс висел на гравитационном тросе в трехстах метрах над поверхностью Моря Забвения. Вокруг пахло озоном, старой пылью и сладковатым запахом гниющих воспоминаний. Фиолетовый туман внизу медленно кипел, occasionally выбрасывая вверх щупальца из сгущенного пепла, пытаясь достать его сапоги.

— Глубина двести восемьдесят, — трещал рацию голос напарника. — Вэнс, твой пульс на пределе. И датчик Резонанса сходит с ума. Вытаскивай задницу наверх.

Вэнс игнорировал его, стиснув зубы. Он посмотрел на свою левую руку. Кожа на запястье была идеальной, но вот правая... Правая рука до самого локтя была черной, полупрозрачной, как вулканическое стекло. По ней шли тонкие, светящиеся изнутри трещины. *Звон*. Одна из трещин на безымянном пальце удлинилась на миллиметр.

Витрификация прогрессировала. Если он задержится в зоне аномалии еще на минуту, палец отколется. А за ним — и вся рука.

— Я нашел это, — прохрипел Вэнс, вытирая пот со лба чистой стороной перчатки.

Перед ним, вцепившись когтями в обломки парящей скалы, висело *оно*. Это не было похоже на Эхо Творцов. Инквизиция учила, что артефакты древних имеют идеальную геометрическую форму. Но эта штука выглядела как сердце, сплетенное из ржавой латуни, жил и... жидкого света. Оно пульсировало. Тусклое голубое свечение ритмично наполняло стеклянные вены механизма.

Вэнс достал контейнер из свинца и стекла. — Крюк, ко мне.

Из тени его плаща выскользнула лиса. Точнее, то, что ее напоминало. Тело существа состояло из дыма и медленно вращающихся бронзовых шестеренок, а вместо хвоста горел синий огонь. Крюк фыркнул, выпустив клубок искр, и ловко прыгнул на обломок скалы, прижимая пульсирующее сердце лапами.

«*Оно теплое,*» — прозвучал в голове Вэнса голос, похожий на скрежет металла по стеклу. Крюк никогда не говорил вслух, но Вэнс давно привык к этому голосу в своей голове. «*И оно голодное*».

— Просто положи его в контейнер, — Вэнс протянул руку.

В этот момент Море Забвения внизу взревело.

Туман расступился, и из фиолетовой пучины вырвался гигантский пузырь памяти. Он лопнул прямо над головой Вэнса, окатив его волной чужих воспоминаний: *запах материнского хлеба, крик падающего ребенка, вкус крови на снегу*.

Вэнс застонал, падая на колени прямо на тросе. Витрификация реагировала на чужие эмоции. Трещины на его черной руке вспыхнули ослепительно-белым. *Звон*. Стеклянный мизинец откололся и с тихим звоном упал в бездну.

— Вэнс! Твой индекс стабильности упал до нуля! — орал рацию. — Инквизиция засекла всплеск! Они идут!

Вэнс поднял глаза. С верхних ярусов острова-полиса, пробивая облака, спускались три фигуры. Инквизиторы Якоря. Их паровые экзоскелеты ревели, выпуская клубы белого пара, а

на плечах были установлены тяжелые гарпунные пушки. Они не искали артефакты. Они искали *его*. Стекловитов не арестовывали. Их зачищали.

Вэнс посмотрел на контейнер в руках Крюка. Сердце пульсировало быстрее, словно чувствуя опасность. И вдруг Вэнс понял то, что не должны были понимать даже верховные Жрецы Якоря.

Это сердце не было артефактом прошлого. Оно тикало в ритме его *собственного* сердца.

— Крюк, прыжок! — скомандовал Вэнс.

Лиса-механизм метнулась ему на плечо, сливаясь с дымом плаща. Вэнс не стал подниматься вверх, к Инквизиторам. Он нажал кнопку на поясе, отстегивая гравитационный трос.

Свободное падение.

Ветер свистел в ушах. Фиолетовый туман Моря Забвения стремительно приближался, раскрывая пасть, готовую стереть его из реальности. Сверху раздался грохот гарпунных выстрелов. Стальные когти с тросами вонзились в скалу в метре от его головы.

— Он уходит в Бездну! — донесся искаженный рацией голос Инквизитора. — Доложить Командору! Чистильщик нашел Ядро!

Вэнс усмехнулся, чувствуя, как холодный туман начинает обжигать кожу лица. Его стеклянная рука трещала, требуя выплеска Резонанса, иначе она разобьется от удара о туман.

— Ну что ж, — прошептал он, сжимая контейнер. — Посмотрим, что ты умеешь, мое новое сердечко.

Он закрыл глаза и позволил магии ударить по трещинам.

ГЛАВА 2. Библиотека Утонувших

Падение в Море Забвения не похоже на смерть. Смерть — это тишина. А здесь было слишком *громко*.

Фиолетовый туман сомкнулся над головой Вэнса, как челюсти левиафана, и мир взорвался звуками. Тысячи голосов кричали одновременно — обрывки чужих жизней, стёртых из реальности. *Мама, не уходи. Я не хочу умирать. Как тебя зовут? Я забыл, как тебя зовут.* Воспоминания врезались в кожу, как осколки льда. Каждое — чужое. Каждое — настоящее. Каждое — *хотело стать его*.

Вэнс закричал, но звук утонул в рёве чужих голосов.

Его стеклянная рука вспыхнула. Трещины на предплечье разошлись, как паутина на лобовом стекле, и из них хлынул чёрный свет — Резонанс, вырывающийся наружу без контроля. Витрификация ускорялась. Он чувствовал, как холод ползёт от локтя к плечу, превращая мышцы в хрупкое обсидиановое кружево. Ещё минута — и он станет статуей. Ещё две — и рассыплется.

«*Сердце!*» — проорал в его голове Крюк. Лиса вцепилась когтями-шестерёнками ему в воротник, её синее пламя гасло под давлением тумана. «*Открой контейнер, идиот!*»

Вэнс не помнил, как нажал защёлку. Пальцы правой руки уже не слушались — стекло не гнётся. Но левая, живая, дёрнула крышку.

Латунное сердце вырвалось из контейнера, как птица из клетки.

И мир *остановился*.

Голоса замолкли. Туман замер. Даже гравитация, казалось, на секунду забыла, что должна тащить его вниз. Сердце зависло перед лицом Вэнса, пульсируя ослепительным голубым светом, и из него вырвалась волна — не звука, не света, а чего-то *третьего*. Чего-то, для чего у Вэнса не было слова.

Волна ударила в туман, и Море Забвения *расступилось*.

Фиолетовая пелена разошлась, как занавес, и Вэнс увидел то, что не должен был видеть ни один живой человек.

Дно.

Море Забвения не было бездонным. У него было дно, и на этом дне лежал *город*.

Гигантский, мёртвый, идеальный. Башни из белого камня, мосты, перекинутые через высохшие каналы, площади, вымощенные мозаикой, которая всё ещё блестела, как новая. Всё это было заключено в гигантский пузырь прозрачного янтаря — туман обтекал его снаружи, не в силах проникнуть внутрь. Город был запечатан. Законсервирован. *Спрятан*.

Артефакт дёрнулся, потянув Вэнса за собой, как собака на поводке. Гравитация вернулась, но теперь она была мягкой, почти ласковой — он не падал, а *опускался*, медленно, как перо в банке с мёдом.

Крюк фыркнул ему в ухо. «*Ты в порядке?*»

— Нет, — честно ответил Вэнс, глядя на свою правую руку. Трещины перестали расти. Стекло больше не звенело. Но холод остался, и Вэнс знал: это не исцеление. Это *отсрочка*. — Я должен был умереть тридцать секунд назад.

«*Технически ты мёртв. Просто ещё не знаешь об этом*», — Крюк лизнул его в щёку языком из синего пламени. Ожог был приятным. — «*Добро пожаловать на дно мира, босс*».

Они приземлились на площадь перед зданием, которое Вэнс принял бы за собор, если бы не гигантские буквы над входом, вырезанные на языке, которого не существовало уже тысячу лет. Но Вэнс почему-то *понимал* их. Словно кто-то вложил перевод прямо в его череп.

«ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ ЭОНА. ДОСТУП ТОЛЬКО ДЛЯ ХРАНИТЕЛЕЙ».

— Архив, — прошептал Вэнс. — Инквизиция ищет его восемьсот лет.

«А ты нашёл его за восемь минут. Талант», — Крюк спрыгнул с его плеча и затрусил к дверям, оставляя за хвостом дорожку из синих искр.

Двери были открыты.

Внутри было темно, сухо и пахло бумагой. Настоящей бумагой — не синтетическим пергаментом, который использовали на островах, а живой, шуршащей, пахнувшей клеем и чернилами. Вэнс зажгёт Резонанс на левой ладони — слабый оранжевый огонёк, — и его дыхание перехватило.

Книги. Миллионы книг. Стеллажи уходили вверх, теряясь в темноте потолка, и каждый был забит томами, свитками, картами, чертежами. Это был не просто архив. Это была *память мира до раскола*. Всё, что Море Забвения стёрло наверху, — здесь сохранилось.

И посреди этого океана знаний, за длинным столом, заваленным раскрытыми фолиантами, сидела девушка.

Она не подняла головы, когда Вэнс вошёл. Просто перевернула страницу и пробормотала: — Ты опоздал на одиннадцать минут. Я уже начала волноваться.

Вэнс замер. Его рука с Резонансом дрогнула, и тени на стенах заплесали.

Девушке было лет девятнадцать. Тёмные волосы, собранные в небрежный узел, из которого выбивались пряди. Серый плащ Инквизиции — но без нашивок, без знаков отличия, с оторванным капюшоном. Босые ноги, заляпанные фиолетовой пылью. И глаза — *неправильные* глаза. Радужка была не одного цвета, а мозаикой: кусочек золотого, кусочек зелёного, кусочек чёрного. Как витражное стекло.

Она наконец подняла взгляд. Посмотрела на Вэнса. На его стеклянную руку. На Крюка, который застыл у порога, вздыбив дымовую шерсть. На латунное сердце, всё ещё пульсирующее в воздухе над плечом Вэнса.

И улыбнулась. Не радостно. Скорее — *устало*.

— Элия, — сказала она, протягивая руку. — Элия Восс. Бывший архивариус третьего ранга, ныне беглянка, ныне — единственный человек в этом городе, который не мёртв. Приятно познакомиться. Ты, видимо, Вэнс.

Вэнс не пожал ей руку. Он сделал шаг назад, активируя боевой Резонанс — воздух вокруг его стеклянной руки задрожал, гравитация в радиусе метра исказилась.

— Откуда ты знаешь моё имя?

Элия вздохнула, как учитель, объясняющий таблицу умножения в сотый раз.

— Потому что я трогала этот стол, — она постучала пальцем по деревянной столешнице. — А этот стол *помнит* тебя. Точнее, помнит момент, когда ты сюда войдёшь. Дерево впитало это воспоминание тысячу лет назад, когда Архив ещё работал. Я просто его... прочитала.

Она замолчала, и её разноцветные глаза потемнели.

— Это проклятие, если что. Абсолютная тактильная память. Я касаюсь предмета — и проживаю всё, что он «видел». Этот стол, например, помнит триста лет заседаний, одну казнь и то, как какой-то стажёр пролил на него кофе в 847 году до Раскола. Кофе был с молоком. Я до сих пор чувствую запах.

Крюк медленно подошёл к Элии и ткнулся носом в её колено. Дымовая лиса *никогда* не подходила к незнакомцам первой. Вэнс почувствовал, как у него по спине пробежал холод — и не от витрификации.

— Ты упала в Море Забвения вчера, — сказал Вэнс медленно, складывая факты. — Инквизиция объявила тебя мёртвой. Я читал донесение утром.

— Угу.

— И с тех пор ты сидишь здесь. Одна. В городе, которого не существует. И ждёшь меня.

— Угу.

— Почему?

Элия закрыла книгу. На обложке был тот же символ, что и на латунном сердце в воздухе. Она посмотрела на Вэнса — и в её мозаичных глазах он увидел то, что видел в зеркале каждое утро. Страх. Спрятанный глубоко, за слоями иронии и усталости, но настоящий.

— Потому что эта книга, — она погладила обложку, — помнит, как закончится мир. И в этом воспоминании *ты* стоишь в центре. С этим сердцем в груди.

Тишина.

Где-то в глубине Архива упала книга. Звук эхом прокатился по бесконечным стеллажам.

— В груди? — переспросил Вэнс, и его голос сорвался. — В смысле — *в груди*?

Элия не ответила. Она смотрела на латунное сердце, которое начало медленно опускаться, притягиваясь к грудной клетке Вэнса, как магнит к железу.

Крюк завыл — тихо, жалобно, как сломанный механизм.

А Вэнс почувствовал, как его собственное сердце пропустило удар. Потом ещё один. И ещё.

Латунное сердце пульсировало в унисон.

ГЛАВА 3. Сердце из латуни и пепла

Сердце коснулось его груди.

Это не было похоже на удар. Это было похоже на *узнавание*.

Латунный механизм вдавился в кожу над настоящим сердцем Вэнса — не ломая, не резая, а *прорастая*. Как корень в землю. Как ключ в замок, который ждал его тысячу лет. Вэнс упал на колени, схватившись за грудную клетку, и закричал — но звука не было. Голос застрял где-то между рёбрами, раздавленный чужим ритмом.

Тук-тук. Его сердце. *Тук-тук*. Латунное сердце. *Тук-тук*. Теперь они бились *вместе*.

— Держи его! — голос Элии был далеко, словно из-под воды. — Вэнс, держись! Не дай ему войти слишком глубоко!

Но было поздно.

Латунные жилы, тонкие, как нити, начали расходиться от груди по всему телу. Они шли под кожей, светясь изнутри голубым, и Вэнс чувствовал, как они *ищут* его стеклянную руку — словно родник ищет русло. Когда они достигли предплечья, трещины на обсидиановом стекле вспыхнули и... *закрылись*. Не зажили. *Срослись*. Латунь заполнила разломы, как золото в кинцуги — японском искусстве ремонта разбитой керамики.

Рука больше не была чёрной. Она стала тёмно-серой, с прожилками тёплого бронзового света. И впервые за шесть лет Вэнс почувствовал в ней *тепло*.

А потом началось видение.

Он стоял на вершине башни. Небо было целым — синим, настоящим, с облаками. Вокруг него — город, который он видел со дна Моря Забвения, но *живой*. Люди в белых одеждах смеялись, дети гоняли механических птиц, по каналам текла вода, а не фиолетовый туман.

Мир был прекрасен.

И именно в этот момент небо *закричало*.

Не метафорически. Буквально. Небо издало звук — низкий, рвущий перепонки, — и в нём, прямо над городом, открылась *рана*. Чёрная, бесконечная, с рваными краями, как у разорванной ткани. Из раны хлынуло *ничто*. Не туман. Не тьма. А *забвение* — субстанция, которая стирала всё, к чему прикасалась. Башни исчезали. Люди превращались в пепел, не успевая даже закричать.

И тогда Вэнс — или тот, кем он был тысячу лет назад, — поднял руки.

Из его ладоней вырвался свет. Не Резонанс. Что-то *большее*. Он тянул небо обратно, сшивал рану, как иглой. Но рана не закрывалась. Она *сопротивлялась*. И тогда Вэнс понял — небо не ранили. Небо *открыли*. Снизу. Изнутри мира. Кто-то *хотел*, чтобы забвение вошло.

И этот кто-то стоял прямо за его спиной.

Вэнс обернулся —

и увидел *себя*.

Другого себя. В белой мантии, с лицом, наполовину стёртым в пепел, с улыбкой, полной слёз.

— *Прости*, — сказал другой Вэнс. — *Но так было нужно. Иначе мы бы никогда не проснулись.*

И он шагнул в рану.

Небо раскололось окончательно.

Вэнс пришёл в себя на холодном каменном полу Архива.

Его тошнило. Рот был полон вкуса меди и пепла. Сердце — *новое* сердце — билось в груди ровно, тяжело, как кузнечный молот. Латунные жилы под кожей пульсировали в такт, и Вэнс чувствовал их *везде* — в пальцах, в висках, в затылке.

Элия сидела рядом, прижимая его голову к своему колену. Её пальцы были в его волосах — не нежно, а крепко, как будто боялись, что он снова улетит.

— Ты отсутствовал четыре минуты, — сказала она тихо. — Ты перестал дышать на второй.

— Я видел... — Вэнс сглотнул. — Я видел Раскол.

— Я знаю.

— Я видел *себя*. Того, кто его вызвал.

Элия молчала. Потом медленно убрала руку с его волос и посмотрела на Крюка. Лиса-механизм сидела в стороне, отвернувшись, и её синее пламя горело ровно, почти *виновато*.

— Крюк знает, — сказала Элия. — Он был там. Ты тоже. Ты *был* одним из Творцов, Вэнс. Ты — тот, кто расколол небо.

Вэнс закрыл глаза.

— Это невозможно. Мне двадцать два.

— Твоему *телу* двадцать два. Твоей душе — тысяча лет. Инквизиция нашла твой сосуд в Море Забвения десять лет назад. Пустой. Они вырастили тебя заново, как черенок на чужом корне. Дали тебе имя. Воспоминания. Семью, которая умерла от витрификации — *фальшивую* семью, Вэнс. Всё было фальшивым.

Вэнс открыл глаза. Посмотрел на свою руку — серую, с бронзовыми прожилками. Он сжал кулак. Латунь отозвалась тёплой болью.

— А ты? — спросил он. — Ты тоже фальшивка?

Элия покачала головой.

— Я настоящая. Настоящая настолько, насколько это возможно в мире, который забыл, что значит «настоящий». Я родилась в архивах Инквизиции. Моя мать была хранительницей запрещённых текстов. Она умерла, когда мне было семь — от витрификации. Я трогала её руку в последний раз — и с тех пор помню каждую секунду её жизни. Включая последнюю.

Она замолчала. Её мозаичные глаза блестели, но слёз не было. Она, видимо, разучилась плакать — или запретила себе.

— Я сбежала, потому что нашла в архивах твоё досье, — продолжила она. — Досье *Творца Вэнса*. Инквизиция знала, что ты вернёшься. Они ждали тебя. И когда ты нашёл сердце — они *позволили* тебе его найти. Это ловушка, Вэнс.

— Ловушка для чего?

Ответ пришёл не от Элии.

Ответ пришёл из-за дверей Архива. Медленные, ровные шаги. Металл по камню. И запах — озон, старая кровь и *горячее стекло*.

— *Для того, чтобы ты наконец вспомнил, кем ты был.*

Вэнс вскочил. Элия тоже поднялась, отступая на шаг. Крюк встал между ними и дверью, вздыбив дымовую шерсть, и издал звук, которого Вэнс никогда от него не слышал — *низкий, вибрирующий вой, полный ужаса*.

В дверях стоял человек.

Точнее — то, что осталось от человека.

Высокий, в длинном чёрном плаще Инквизиции, расшитом серебряными нитями Якоря. На плечах — тяжёлые наплечники из воронёной стали. На груди — медальон Командора. Но лица не было видно. Потому что лица *не было*.

Голова Командора была сделана из стекла. Прозрачного, идеально чистого, с тонкими трещинами, расходящимися от висков, как венозная сеть. Внутри черепа, вместо мозга, горел тусклый фиолетовый огонёк — тот же цвет, что у Моря Забвения. Дыхания не было. Движений лишних не было. Только этот огонёк, пульсирующий в такт шагам.

И Вэнс *узнал* его.

Не по лицу — лица не было. Узнал по *осанке*. По тому, как он держал правую руку — чуть согнутую, готовую к удару. По тому, как он наклонял голову набок, когда слушал. По запаху — озон и старая кровь.

— *Сильван*, — выдохнул Вэнс.

Стеклянный Командор остановился. Фиолетовый огонёк в его черепе вспыхнул ярче.

— *Ты помнишь меня*, — сказал он. Голос был не его — множественный, как будто говорили сразу трое, с разной высотой, с разным акцентом. Голос стекла, трущегося о стекло. — *Хорошо. Значит, сердце начало работать.*

— Ты умер, — Вэнс сделал шаг вперёд, латунные жилы на его руке запульсировали быстрее. — Десять лет назад. Погиб в вылазке в Море. Я нёс твой плащ на твоих похоронах.

Сильван — или то, что от него осталось — медленно снял перчатку. Рука под ней была из стекла. Не прозрачного, как голова, а *матового*, белого, как фарфор. И на каждом пальце — по кольцу из черненого серебра. Вэнс узнал эти кольца. Он сам подарил их Сильвану на день рождения, десять лет назад.

— *Я не умер, Вэнс*, — сказал Сильван, и в его множественном голосе прорезалась одна, очень знакомая интонация — та, которой он учил Вэнса держать гравитационный трос. — *Я проснулся. Как и ты проснёшься. Инквизиция не знает этого. Они думают, что служат Якорю. Но Якорь — это клетка. А мы с тобой — ключи.*

Он протянул стеклянную руку.

— *Отдай сердце, Вэнс. Ты ещё не готов. Тебе нужно вспомнить большие. А я — я готов. Я ждал этого десять лет.*

Крюк зарычал. Элия тихо сказала:

— Не верь ему. В его голове *не он*. Я чувствую это даже отсюда. Там кто-то *живёт*.

Сильван — *что-то* в Сильване — медленно повернул голову к ней. Фиолетовый огонёк в его черепе мигнул.

— *Ах, девочка с памятью*, — сказал он, и в его голосе прозвучала нежность, от которой Вэнсу стало тошно. — *Ты права. Во мне не только я. Но я — старший. Я — хозяин. Остальные — гости.*

Он сделал шаг вперёд.

— *Последний раз, Вэнс. Сердце. Или я заберу его вместе с твоей грудной клеткой.*

Вэнс посмотрел на свою руку. Латунные жилы горели. Сердце в груди билось ровно, тяжело, *уверенно*. И впервые за шесть лет он чувствовал не страх витрификации, а *силу*. Силу, которую он не заслуживал. Силу, которая ему не принадлежала.

Он посмотрел на Элию. Она кивнула — коротко, решительно.

Он посмотрел на Крюка. Лиса оскалилась — в первый раз за всё время, что Вэнс её знал.

И он посмотрел на Сильвана. На стеклянного учителя, который когда-то спас ему жизнь. Которого он оплакивал. Которого *носил на руках в могилу*.

— *Нет*, — сказал Вэнс.

Сильван вздохнул — звук, похожий на треск льда.

— *Жаль*.

И он двинулся.

Не шаг — *мгновение*. Стеклянное тело Командора размылось, и он оказался в метре от Вэнса, с рукой, сжатой в кулак, в котором сгустился фиолетовый туман — *конcentrated* Забвение, оружие, которого не должно существовать у Инквизитора.

Вэнс успел только одно.

Он выставил правую руку — и латунные жилы *вспыхнули*. Воздух между ними искрился. Удар Сильвана, который должен был пробить Вэнсу грудь, отклонился — не блокирован, а *перенаправлен*, как вода вокруг камня. Фиолетовый кулак прошёл в сантиметре от лица

Вэнса и врезался в каменный пол. Пол *испарился*. Не разбился. Исчез. Стёрся из реальности, оставив после себя идеально гладкую яму.

Элия ахнула. Крюк завыл.

Сильван отступил на шаг. В его стеклянном черепе фиолетовый огонёк горел *ярко, почти ослепительно*.

— *О*, — сказал он, и в его голосе прозвучало что-то похожее на восторг. — *Ты помнишь. Ты помнишь, как это делается.*

Вэнс смотрел на свою руку. Латунные жилы пульсировали. Он не знал, что только что сделал. Его тело знало. Его *прошлое* знало.

— *Давай попробуем ещё раз, ученик*, — сказал Сильван, и его множественный голос теперь звучал почти *ласково*. — *Посмотрим, сколько ты помнишь, прежде чем я тебя сломаю.*

И он ударил снова.

ГЛАВА 4. Голоса в стекле

Сильван ударил вторым — снизу, вверх, целясь в подбородок.

Вэнс не думал. Его тело *вспомнило*. Правая рука метнулась вниз, ладонью наружу, и между ними вспухла гравитационная линза — невидимая, но плотная, как вода. Кулак Сильвана вошёл в неё и замедлился, как муха в мёде. Фиолетовое свечение в его черепе метнулось, и стекло на предплечье Командора *треснуло* — тонкая паутина разломов побежала от локтя к кисти.

Сильван отшатнулся. Не от боли — стекло не чувствует боли. От удивления.

— *Ты помнишь линзу,* — прошептал он множественным голосом. — *Хорошо. А помнишь ли ты иглу?*

Его левая рука дёрнулась — и из трещин на стекле вырвались тонкие, как волос, нити фиолетового тумана. Они метнулись к Вэнсу, извиваясь в воздухе, как живые. Вэнс отпрыгнул в сторону, но две нити всё же достали его — вонзились в плечо плаща и *потянули*. Не физически. Они тянули *воспоминания*. Вэнс почувствовал, как из виска вырывается образ — мать, пекущая хлеб, запах корицы, — и исчезает. Навсегда.

— *Я заберу всё, Вэнс,* — сказал Сильван, подтягивая его ближе. — *По кусочку. Пока от тебя не останется только сердце.*

Вэнс ударил левой рукой — живой, человеческой — в нити. Они лопнули, как паутинки, и запах корицы вернулся в его голову, такой яркий, что зашипало в глазах. Но он знал: это не победа. Это передышка.

— Элия! — крикнул он, не оборачиваясь. — Стены! Читай стены!

Она уже бежала.

Элия прижалась ладонями к ближайшей колонне. Камень был холодным, шершавым, покрытым пылью тысячелетия. И она *нырнула*.

Память обрушилась на неё, как цунами. Не одна — тысячи. Архив жил, когда эти стены впитывали всё. Она увидела хранителей в белых мантиях, спешащих по коридорам. Увидела, как молодой стажёр роняет стопку свитков. Увидела, как женщина с мозаичными глазами — *её мать*, молодая, смеющаяся, — проводит рукой по этой самой колонне и шепчет: «*Спи, мой дом. Спи, пока мир не проснётся*».

Элия всхлипнула, но не отстранилась. Она копала глубже. И нашла.

Ловушка.

Хранители оставили здесь защиту — на случай, если Архив когда-нибудь придётся защищать. Система гравитационных якорей, встроенных в пол, стены, потолок. Активируется голосом хранителя. Или *касанием того, кто помнит пароль*.

Элия открыла рот и произнесла слово на языке, которого не знала — но который помнила её мать, а через мать — и она сама.

Слово было коротким. Трёхсложным. Оно прозвучало как удар колокола.

Пол под ногами Сильвана *вступился*. Каменные плиты взметнулись вверх, как зубы, и сомкнулись вокруг его ног. Командор дёрнулся — и застыл. Плиты держали его крепко, но стекло на его теле уже начало *трескаться* под давлением. Он был сильнее камня. Он вырвется. Через десять секунд.

— Бежим! — крикнула Элия.

Но Вэнс не бежал. Он стоял, глядя на Сильвана, и что-то в его груди — *латунное* что-то — *пело*. Не от страха. От *узнавания*.

— Ты говорил, что Якорь — это клетка, — сказал Вэнс тихо. — Кто тебя этому научил, Сильван?

Сильван перестал дёргаться. Фиолетовый огонёк в его черепе мигнул — и на секунду погас. Когда он вспыхнул снова, лицо Командора — то, что было под стеклом, — *дрогнуло*. Словно кто-то другой попытался взять контроль.

И тогда из стеклянного черепа прорвался *второй* голос.

Женский. Тихий. Надломленный.

— *Вэнс... малыш...*

Вэнс пошатнулся, словно его ударили в грудь.

Этот голос. Этот *голос*. Он слышал его каждую ночь в детстве, когда ему было страшно. Он слышал его в последний раз, когда женщина с тёплыми руками и запахом корицы умирала на его руках, превращаясь в стекло.

— *Мама?* — прошептал он. И сразу понял, как глупо это звучит. Его мать умерла шесть лет назад. Ей было сорок. Она не могла быть *внутри* Сильвана.

Но голос был *её*.

— *Вэнс, уходи,* — сказал голос из стеклянного черепа, и в нём слышались слёзы. — *Он не Сильван. Он никогда не был Сильваном. Сильван мёртв. Мёртв по-настоящему. А я... я только осколок. Он нашёл меня в Бездне и встроил в себя, как ты встроил сердце. Уходи, малыш. Пока он не проснулся до конца.*

Сильван — *настоящий* Сильван — дёрнулся, и фиолетовый огонёк в его черепе вспыхнул с новой силой. Каменные плиты треснули.

— *Молчи, Лира,* — прорычал он своим множественным голосом. — *Ты уже сказала достаточно.*

И плиты разлетелись в пыль.

Вэнс не помнил, как оказался рядом с Элией. Она стояла, прижавшись спиной к колонне, и смотрела на него глазами, полными ужаса. Не ужаса перед Сильваном. Ужаса перед *ним*.

— Это не моя мать, — сказал Вэнс, и его голос был чужим. Плоским. — Это не может быть она.

— Я чувствую её, — прошептала Элия. — Я коснулась колонны — и она была там. Она *правда* там, Вэнс. Я не вру тебе. Я *никогда* не вру тебе.

Крюк ткнулся ей в ногу и посмотрел на Вэнса. В его глазах из синего пламени было что-то похожее на вину.

— Ты знал, — сказал Вэнс. Не вопрос.

Крюк медленно кивнул. И впервые за всё время, что Вэнс его знал, *заговорил вслух*.

Голос был не из его головы. Голос шёл из самой лисы — низкий, дребезжащий, как старая пластинка.

— Я знал, — сказал Крюк. — Я всегда знал. Я был там, когда она умерла. Я был там, когда Сильван нашёл её осколок. Я был там, когда он встроил её в себя. Я *позволил* ему это сделать.

Вэнс посмотрел на лису. На её дымовую шерсть. На шестерёнки, медленно вращающиеся в груди. На синее пламя хвоста.

— Кто ты, Крюк?

Лиса опустила голову.

— Я — то, что от него осталось. От настоящего Сильвана. Когда он умер в Бездне десять лет назад, его душа не ушла. Она зацепилась за меня. Я ношу его десять лет. Я притворялся им, когда нужно было. Я притворялся твоим другом. Но я не он. Я только *память* о нём. Как Лира — память о твоей матери.

Вэнс закрыл глаза.

Всё было ложью. Его мать. Его учитель. Его лиса. Даже его собственное имя — *Вэнс* — было именем, которое ему дали чужие люди, чтобы спрятать того, кем он был на самом деле.

Он открыл глаза. Посмотрел на Сильвана, который медленно шёл к ним, ломая камень на своём пути. Посмотрел на Элию, которая стояла рядом, не отступая. Посмотрел на Крюка, который смотрел на него с бесконечной, древней виной.

И что-то в его груди *щёлкнуло*.

Не сердце. Что-то *глубже*. Латунные жилы на его руке вспыхнули — не голубым, как раньше, а *белым*. Ослепительно-белым, как свет, который он видел в видении, когда сшивал небо тысячу лет назад.

— Ты носишь её, — сказал Вэнс Сильвану. Голос был ровным. Слишком ровным. — Ты носишь моего учителя. Ты носишь осколок моей матери. Ты думаешь, что это делает тебя *сильнее*.

Сильван остановился. В его стеклянном черепе фиолетовый огонёк метнулся — и на секунду Вэнс увидел *два* огонька. Один — фиолетовый, чужой. Второй — тёплый, золотой, *Лири*.

— *Вэнс, нет!* — закричал золотой огонёк голосом его матери. — *Не делай этого! Ты разобьёшь его! Ты разобьёшь меня*!**

— Я знаю, — сказал Вэнс.

И он сжал правую руку в кулак.

Латунные жилы *взорвались* светом. Волна белого Резонанса ударила в Сильвана — не чтобы убить, не чтобы перенаправить, а чтобы *вырвать*. Вырвать то, что было встроено не по праву. Вырвать осколки, которые носили как трофеи.

Сильван закричал — двумя голосами сразу. Его стеклянное тело начало *трескаться*. Не медленно, как раньше, а стремительно, как лёд под ударом молота. Из трещин хлынул свет — фиолетовый, золотой, и ещё какой-то, третий, которого Вэнс не узнал.

— *Вэнс, остановись!* — кричала Элия. — Ты убьёшь его!

— Он уже мёртв, — сказал Вэнс. И не отступил.

Сильван упал на колени. Его стеклянный череп раскололся пополам — и из него *вырвалось нечто*. Не свет. Не туман. А *форма*. Женская фигура, сотканная из золотых искр и запаха корицы. Она повисла в воздухе на секунду, посмотрела на Вэнса — и в её глазах была такая любовь, что у него перехватило дыхание, — а потом *рассыпалась*. Как пепел на ветру.

— *Прости, малыши,* — прошептала она, и её голос был уже не в голове Сильвана, а в самом воздухе. — *Прости, что оставила тебя.*

И её не стало.

Сильван — то, что от него осталось — рухнул на пол. Его тело было теперь не стеклянным, а *пепельным*. Серым, хрупким, как сгоревшая бумага. Он поднял голову, и Вэнс увидел его лицо — настоящее лицо, без стекла. Молодое, красивое, с тонким шрамом через бровь. Лицо учителя, которого он знал. Лицо, которое он носил на похоронах.

— *Ты... освободил меня,* — прошептал Сильван. Голос был его. Настоящий. Один. — *Спасибо, ученик.*

И его тело рассыпалось в пепел.

Вэнс стоял, опустив руки. Белое свечение в его ладонях медленно гасло. Латунные жилы под кожей пульсировали тускло, устало.

Элия подошла к нему. Не обняла — она никогда не обнимала его. Просто встала рядом и взяла его за левую руку. Живую. Человеческую.

— Ты убил его, — сказала она тихо.

— Я освободил его, — ответил Вэнс. Но сам не знал, верит ли в это.

Крюк подошёл к ним. Лиса больше не говорила. Она просто ткнулась носом в руку Вэнса — и замерла. Её синее пламя горело ровно. Спокойно. *Впервые за десять лет — спокойно.*

— Крюк, — сказал Вэнс. — Ты сказал, что носишь его память. Значит, ты знаешь, что было *до* Раскола. Знаешь, кем я был.

Крюк поднял голову. Посмотрел на него глазами из синего пламени.

— Знаю, — проскрежетала она.

— Тогда скажи мне. Кто я?

Лиса молчала долго. Потом медленно села, поджав дымовый хвост, и сказала:

— Ты был не один. Вас было *трое*. Ты, Лира и... третий. Вы раскололи небо вместе. Но не потому, что хотели спасти мир. А потому, что *хотели его разбудить*.

— От чего? — спросила Элия.

Крюк посмотрел на неё. Потом на Вэнса. Потом на потолок Архива, теряющийся в темноте.

— *От сна*, — сказала она. — *Мир не был реальным, Элия. Мир был сном. А мы — те, кто его разбудил. И то, что проснулось вместе с нами... оно всё ещё спит. Где-то на дне. Под Архивом.*

Пол под их ногами дрогнул.

Не от шагов. Не от боя. А *снизу*. Откуда-то из-под города. Что-то огромное. Что-то, что дышало.

И это дыхание было *голодным*.

ГЛАВА 5. Перевернутый собор

Пол дрогнул снова. Сильнее. Где-то в глубине, под слоями камня, что-то *пошевелилось* — медленно, лениво, как зверь, которого разбудили слишком рано. И это *нечто* было огромным. Настолько огромным, что Вэнс почувствовал его движение не ушами, а *зубами* — низкая вибрация прошла через камень, через кости, через латунные жилы в его руке.

— Нам нужно вниз, — сказал он.

Элия посмотрела на него, как на сумасшедшего.

— *Вниз?* Там же *оно*.

— Наверху — Инквизиция. Они уже знают, что Сильван мёртв. Они знают, что у меня сердце. Они закроют все выходы. А внизу...

Он не закончил. Внизу было *оно*. Но внизу была и *правда*.

Крюк уже бежала к дальнему концу зала, туда, где стеллажи расходились, образуя круглую площадку с люком в полу. Лиса остановилась у люка и посмотрела на Вэнса.

— Там нет лестницы, — проскрежетала она. — Там только *падение*.

— Я умею падать, — Вэнс усмехнулся, но усмешка вышла кривой. — Я уже падал сегодня.

Он подошёл к люку и рывком открыл его. Под ним была не темнота. Под ним был *колодец* — круглая шахта, уходящая вниз, в бесконечность. Стены шахты были покрыты рунами, которые светились тусклым янтарным светом, и этот свет уходил вниз, становясь всё тусклее, пока не исчезал совсем. Воздух из шахты тянуло вверх — холодный, пахнувший медью и чем-то сладким, как перезревшие фрукты.

— Это не просто колодец, — Элия подошла ближе, прижимаясь к его плечу. Она не боялась прикосновений — она боялась *памяти* прикосновений. Но сейчас ей было не до этого. — Это *дыхательная шахта*. Кто-то внизу *дышал*. И эти руны — не защита от того, что внизу. Это *фильтры*. Чтобы то, что внизу, не проснулось слишком быстро.

— А мы его разбудили, — Вэнс посмотрел на свою руку. Латунные жилы пульсировали в такт вибрации из глубины. — Сердце. Оно стучит в ритме с *ним*.

— Тогда бежим, — Элия взяла его за живую руку. — Быстро. Пока фильтры ещё держат. Они прыгнули.

Падение было другим, чем в Море Забвения. Там был хаос, рёв, чужие голоса. Здесь была *тишина*. Абсолютная, ватная тишина, в которой слышно было только, как бьётся латунное сердце в груди Вэнса и как скрипят шестерёнки в груди Крюка.

Вэнс активировал гравитационную линзу — ту же, что использовал против Сильвана. Воздух под ними стал плотным, как вода, и их падение замедлилось. Элия ахнула — она никогда не видела, как он это делает. Её мозаичные глаза отражали янтарный свет рун на стенах.

— Ты можешь так долго? — спросила она.

— Пока сердце бьётся, — ответил Вэнс. — А оно, кажется, не собирается останавливаться.

Они падали минуты три. Может, больше. Время в шахте текло странно — руны на стенах менялись, становились древнее, сложнее. Вэнс заметил, что некоторые из них *двигались* — медленно ползли по камню, как живые. И с каждым уровнем их становилось меньше. Словно что-то внизу *съедало* их.

На последнем уровне руны исчезли совсем. Стены шахты стали гладкими, чёрными, как обсидиан. И тогда Вэнс увидел её.

Элия прижалась к нему крепче. Её пальцы впились в его плащ.

— Вэнс...

— Я вижу.

На стене шахты, прямо над их головами, была *выцарапана* фигура. Огромная, во всю стену. Человек — или то, что было человеком когда-то. У фигуры было три руки, шесть пальцев на каждой, и *нет лица*. Вместо лица — гладкая, полированная поверхность, как у зеркала. И в этом зеркальном лице отражалось *их* падение. Вэнс, Элия, Крюк — все трое, застывшие в зеркале, как насекомые в янтаре.

— Это он, — прошептала Элия. — Третий.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я *чувствую* его, — её голос дрогнул. — Он был здесь. Он царапал эту стену. Он *ждал*. Вэнс, он ждал *нас*. Тысячу лет.

Крюк спрыгнула с плеча Вэнса и приземлилась на стену шахты — прямо на зеркальное лицо фигуры. Лиса постояла секунду, потом медленно провела лапой по гладкой поверхности.

— Он не ждал, — сказала она тихо. — Он *спал*. А это, — она ткнулась в зеркало, — его *тень*. То, что осталось, когда он ушёл в сон.

Вэнс почувствовал, как латунные жилы на его руке запульсировали быстрее. Сердце в груди ударило сильнее — и зеркальное лицо на стене *дрогнуло*. В отражении что-то изменилось. Вэнс, Элия и Крюк в зеркале больше не падали. Они *стояли*. И смотрели на него.

А за их спинами, в зеркале, стоял *четвёртый*.

Высокий. Тонкий. С тремя руками и лицом, которого не было.

Вэнс дёрнул гравитационную линзу сильнее — и они ударились о пол.

Они приземлились в зале, который не должен был существовать.

Это был *перевернутый собор*. Потолок был *полом*, а пол — *потолком*. Стены уходили вверх и вниз одновременно, и на них, как сталактиты и сталагмиты, висели гигантские кристаллы — не стеклянные, не каменные, а *живые*. Они пульсировали тусклым фиолетовым светом, и Вэнс с ужасом понял, что это тот же цвет, что у Моря Забвения.

Но здесь тумана не было. Здесь было *сухо*. И пахло не гнилью, а *озоном* — как после грозы.

Посреди зала, в центре, стоял *трон*.

Нет. Не трон. *Кресло*. Гигантское, каменное, с высокими подлокотниками, на которых были вырезаны те же руны, что и на стенах шахты. И в этом кресле *сидел кто-то*.

Вэнс шагнул вперёд, активируя белый Резонанс на всякий случай. Элия пошла за ним, держась за его плащ. Крюк — впереди, дымовая шерсть вздыблена, синее пламя горит ровно.

Они подошли ближе.

В кресле сидел *он*. Третий Творец.

Он был *огромным*. Даже сидя, его голова уходила под потолок. Его тело было покрыто не кожей, а *кристаллами* — теми же, что висели на стенах. Кристаллы прорастали сквозь плоть, сквозь кости, сквозь одежду — когда-то белую мантию, теперь серую от пыли. Три руки лежали на подлокотниках. Четвёртой — той, которой не должно было быть, — он *обнимал* себя. Как будто боялся, что развалится.

Лица не было. Вместо лица — гладкая зеркальная поверхность, как на стене шахты. И в этом зеркале отражался *не* Вэнс. В этом зеркале отражался *сам Творец*. С открытыми глазами.

— Он не спит, — прошептала Элия. — Он *в сознании*. Тысячу лет. В сознании. В кресле. Без лица. Без движения.

Крюк подошла к креслу и ткнулась носом в кристалл на руке Творца.

— Его звали *Каэль*, — сказала она тихо. — Он был самым молодым из вас. Самым слабым. Когда вы раскололи небо, он не выдержал. Забвение вошло в него. И чтобы спасти его, вы...

Она замолчала.

— Что вы сделали? — спросил Вэнс.

— Вы *запечатали* его здесь. В кристаллах. Чтобы Забвение не забрало его совсем. Вы думали, что сможете вернуться. Что сможете его спасти. Но вы не вернулись. Вы *забыли*. Как и всё остальное.

Вэнс посмотрел на зеркальное лицо Каэля. В зеркале Каэль смотрел на него. И в этом взгляде было *всё*. Тысяча лет тишины. Тысяча лет сознания в неподвижном теле. Тысяча лет ожидания.

— Он слышит нас, — сказал Вэнс. — Он всё это время слышал.

— Да, — Крюк опустила голову. — И он *помнит*. Всё. Лучше, чем Элия. Лучше, чем кто-либо. Он — живая память мира.

И тогда Каэль *моргал*.

Не в зеркале. В *реальности*. Зеркальная поверхность на его лице дрогнула — и по ней прошла тонкая трещина. Как лёд весной. Как стекло, которое слишком долго держали в руках.

Элия ахнула и отшатнулась.

— Он просыпается.

— Нет, — Вэнс шагнул ближе. Латунные жилы на его руке горели так ярко, что было больно. Сердце в груди билось в унисон с чем-то *огромным*. — Он не просыпается. Он *зовёт*.

— Кого?

Вэнс не успел ответить.

Потолок — тот, что был над их головами, — *треснул*. Не весь. Только в одном месте, прямо над тронем Каэля. И из трещины хлынуло *нечто*. Не туман. Не свет. А *голос*.

Голос был женским. Тихим. Надломленным. И Вэнс узнал его.

— *Мальши...*

Сердце Вэнса пропустило удар.

— *Мама?* — прошептал он. — Но я же... я же вырвал её. Я освободил её из Сильвана.

Голос засмеялся. Тихо, печально.

— *Ты освободил осколок, мальши. Но я — не осколок. Я — она. Настоящая. Та, что была здесь. Та, что запечатала Каэля. Та, что ждала тебя.*

И из трещи в потолке *вытала* фигура.

Женщина. Высокая. В белой мантии, серой от пыли. С волосами цвета воронова крыла. С мозаичными глазами — такими же, как у Элии. И с *той же* улыбкой, что Вэнс видел в детстве, когда ему было страшно.

Она упала на пол перед тронем Каэля и подняла голову. Посмотрела на Вэнса.

— *Привет, мальши,* — сказала она. — *Я так долго тебя ждала.*

Вэнс стоял, не двигаясь. Его латунное сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот разорвёт грудь. Его стеклянная рука — теперь серая, с бронзовыми прожилками — дрожала.

— Ты... ты не можешь быть ею, — прошептал он. — Я видел, как ты умерла. Я нёс твой плащ на похоронах.

Женщина — *Лира* — грустно улыбнулась.

— *Ты нёс плащ фальшивки, мальши. Той, что Инквизиция создала для тебя. Чтобы ты верил, что я умерла. Чтобы ты не искал меня. Но я не умерла. Я ушла. Сюда. Чтобы охранять его. Чтобы ждать, пока ты вернёшься.*

Она поднялась и сделала шаг к нему.

— *Ты вернулся, мальши. Ты принёс сердце. Ты освободил Сильвана. Ты сделал всё, что я просила.*

— Ты ничего не просила, — Вэнс отступил на шаг. — Ты умерла, когда мне было шестнадцать.

Лира остановилась. Её мозаичные глаза потемнели.

— *Я умерла, когда тебе было шесть, малыш. А в шестнадцать ты забыл. Инквизиция стёрла тебе память. Но я — я помню всё. Я помню, как ты впервые призвал Резонанс. Как ты обжёг себе пальцы. Как ты плакал, потому что думал, что сломал руку навсегда.*

Она протянула руку.

— *Иди ко мне, малыш. Ты дома.*

Вэнс посмотрел на её руку. На её глаза. На её улыбку.

И что-то в его груди *щёлкнуло*.

Не сердце. Не латунные жилы. Что-то *глубже*. Что-то, что он не знал, что у него есть.

— Ты не моя мать, — сказал он тихо.

Лира замерла.

— *Что?*

— Моя мать умерла, когда мне было шесть, — Вэнс поднял голову. Его глаза горели белым светом — тем же, что и Резонанс. — *Я помню* это. Я помню, как она превратилась в стекло. Я помню, как я трогал её руку в последний раз. И я помню, что она *не пахла корицей*.

Лира — *ничто* — медленно опустила руку.

— *А откуда ты знаешь, чем она пахла?*

— Потому что я *чувствую* её, — Вэнс посмотрел на Элию, которая стояла позади него, бледная, с широко открытыми глазами. — Элия трогала её вещи в архивах Инквизиции. Она *помнит* мою мать. Настоящую. А ты...

Он посмотрел на Лиру.

— Ты пахнешь *озоном*. Как Море Забвения. Как *Каэль*.

Лира — *ничто* — медленно улыбнулась. И эта улыбка была *неправильной*. Слишком широкой. Слишком зубастой.

— *Умный мальчик*, — сказала она. Голос изменился. Стал ниже. Грубее. — *Слишком умный для своей же пользы*.

И её тело начало *меняться*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.